

Номер, в котором остановился Алек Уокер, был пентхаусом президентского класса — слишком просторным для одного человека. За панорамным окном всё ещё горели прожекторы трассы, мерцающая, словно свечи, а люстра сияла ещё ярче них.

Внутри было настолько аккуратно и безжизненно чисто, словно здесь почти не жили: лишь одна чашка под кофемашиной оставалась следом присутствия, как точка в конце предложения.

— Виски, вино или кофе? Что предпочитаешь?

— Достаточно минеральной воды.

Алек протянул Дэниелу бутылку воды. Через некоторое время он вернулся уже с бокалом бурбона для себя и сел на диван напротив.

Шум радиатора был едва слышен. Возможно, поэтому даже слова поздравления, от которых Дэниел уже почти отказался, звучали неожиданно тепло.

— Поздравляю с победой. Результат оказался неожиданным.

— ...И ты вообще не ожидал моей победы.

— Если честно — да. Я не предполагал, что из-за тебя придётся менять свой график, Дэниел.

Чрезмерная честность — тоже своего рода грех, но для Алека Уокера это было привычно с самой первой их встречи, поэтому удивления не вызвало. Дэниел спокойно ждал продолжения.

Сделав глоток виски, Алек несколько раз шевельнул губами. Суть того, что хотел сказать спонсор, прозвучала безжалостно прямо.

— Я до сих пор считаю, что тебе, Дэниел, не хватает способности привлекать спонсоров.

Слова упали, как приговор, и жгли так же, как антисептик, попавший в рану.

— Пилот-полукровка, который не умеет привлекать спонсоров в прожорливую до денег команду? Это непозволительная роскошь. С точки зрения управления гораздо выгоднее взять пилота из традиционно сильной страны вроде Великобритании или Италии. Да и молодых талантов с хорошим происхождением хватает. И немало уже завершивших карьеру пилотов, которые только и ждут возвращения после паузы.

— ...

— Поэтому я и думал о твоём освобождении, Дэниел. Вместо того чтобы держать Линдберга-младшего, который не умеет толком использовать имя чемпиона мира своего отца и при этом показывает посредственный уровень для своей репутации... почему бы не предложить это место его отцу, который уже завершил карьеру?

— Что ты сказал?

Звук сжатой пластиковой бутылки прозвучал резко и громко.

— Возвращение отца Ноэля Линдберга, который вытеснил бы сына из кокпита... разве не было бы интересно устроить вокруг этого шумиху под видом камбэка? В общем, я рассматривал и такие варианты.

Дэниел похолодел в тот момент, когда осознал смысл сказанного.

Предложить что — и кому?

Вот что значит онеметь от ярости. Разум Дэниела, треснувший с глухим щелчком, не находил ответа.

К счастью или к несчастью, Алек больше ничего не добавил. Он лишь внимательно наблюдал за ним.

Отец на месте, где когда-то был изгнан сын. Одна эта мысль способна породить поток грязных сравнительных статей. И всё же вероятность её реализации была невелика.

Его приёмный отец был человеком, который не принял бы подобного предложения — хотя бы ради того, чтобы не запятнать «золотую башню», которую он построил в прошлом.

И всё же Дэниел, зная это, дрожал, как зверь, которому перерезали горло. Место пилота когда-нибудь займёт кто-то другой, но был только один человек, которого он не мог вынести: его приёмный отец, уже завершивший карьеру.

Разум, сорвавшийся с места, не спешил возвращаться.

Алек Уокер постучал по бокалу, издав тихое «тук-тук-тук».

— В итоге мы всё же создали резонанс куда более удачным способом.

— Что ты хочешь сказать? Ты утверждаешь, что пилот, который не умеет привлекать спонсоров, бесполезен даже с чемпионским титулом?

— Нет. Я разве похож на такого человека?

— Сейчас — да.

— Это должно было быть простым условием для понимания. Нет трофея — ты вне команды. Есть трофей — ты остаёшься.

— В этой индустрии я доверяю только контрактам на бумаге. С чего мне верить словам, сказанным вслух?

Алек нахмурился.

— Я уже распорядился, чтобы контракт на следующий сезон был доставлен сразу после завершения проверки. Это займёт около двух недель, поэтому прошу внимательно ознакомиться с подробными условиями. Разумеется, всё это при условии, что ты, Дэниел, всё ещё намерен остаться в нашей команде.

Разница между наличием чемпионского трофея и его отсутствием, похоже, была весьма существенной. Он наблюдал, как этот человек осторожно проверяет его намерение продлить контракт.

В Формуле-1 немало пилотов, которые завершали карьеру, так и не выиграв ни одной гонки. Дэниел почти оказался среди них, но теперь ситуация изменилась.

Заняв первое место на болиде команды среднего или нижнего уровня, он вполне мог получить

предложение от топ-команды. В плане того, чтобы сделать имя Дэниела заметным, победа была сродни магическому импульсу, смывающему всё остальное.

Дэниел поднял голову.

— Если условия не будут абсурдными, я в первую очередь рассмотрю команду Featherway. Но не поймите неправильно: это не ради вас, а ради руководителя команды, который привёл меня сюда.

— Хорошо.

— А что насчёт поддержки команды? Вы ведь это тоже обещали, верно?

— Я связался с руководителем команды во второй половине дня. Мы планируем закрыть кадровые пробелы, о которых он говорил, а временные позиции также будут переведены в постоянные. Мы также договорились возобновить работу британского завода, который был закрыт. Этого достаточно?

— Не нарушайте своё обещание.

— Мне тоже будет проблематично, если ты передумаешь и подпишешь контракт с другой командой.

Похоже, этот человек не понимает, что переход в новую команду — задача отнюдь не из простых.

Переход означает, что ты неизбежно оказываешься втянутым во внутреннюю политику коллектива. Тебя постоянно сравнивают с предшественником, и стоит только признать тебя бесполезным — ты мгновенно превращаешься в тему для статей. В таком случае проще терпеть спонсора, которого видишь лишь несколько раз в год.

И главное — он не хотел менять команды, словно перелётная птица, только потому, что добился результата.

Дэниелу всё ещё была нужна команда, которая поддерживает его. Теперь, когда он ясно доказал, что является первым пилотом, он решил, что лучше остаться в Featherway.

Но, словно насмехаясь над этой достойной решимостью, спонсор снова заговорил провокационно.

— То, что ты обеспечил себе место до следующего года, ещё не значит, что твоя фундаментальная проблема исчезла.

— Фундаментальная проблема?

— В этой игре, в конечном счете, выживают те пилоты, у которых есть мощные спонсоры. Если ты не найдёшь личного спонсора, ты, Дэниел, так и останешься неприоритетным пилотом.

— Ты с самого начала повторяешь вещи, которые задевают за живое. Золото, что ли, сыпется, если постоянно ковырять чужие слабости?

— Тебе так нравятся гонки?

Алек Уокер легко проигнорировал вопрос Дэниела.

Мужчина, откинувшись на спинку кресла, говорил с совершенно непостижимым спокойствием.

— Мне всё время было любопытно, пока я наблюдал за гонкой.

— О чём ты сейчас...

— Почему он так отчаянно борется? Цепляется за трассу до самого конца, словно пытается плыть по земле, проходит гонку до конца и поднимает трофей — весь в грязи, дождевой воде и поту...

— ...

— Это меня не отпускает.

У Дэниела дёрнулся уголок глаза.

— Я пилот. Я сделал всё, что должен был сделать. Если это вас беспокоит, проблема в вас, а не во мне, не так ли?

— Я не задаю вопрос, я говорю из любопытства. Дэниел, ты ведь не борешься за выживание, верно?

Это был вопрос, в котором сжалось слишком многое. И одновременно — вопрос, который Дэниел задавал себе время от времени, особенно в те моменты, когда почти забывал о нём.

Дэниел Линдберг, почему ты не можешь бросить автоспорт? Почему ты можешь жить только так?

Даже будучи пилотом среднего или нижнего уровня, Дэниел давно зарабатывал больше, чем обычный человек. Он и не тратил чрезмерно, так что без труда мог обеспечить себя. И всё же уйти с трассы он не мог. Словно кусок жвачки, неаккуратно расплавившийся и намертво прилипший к асфальту.

Кто бы стал блуждать по командам низшего эшелона без спонсора просто потому, что ему это нравится? Иногда он искал спонсоров — с кривым лицом, с унижением — и пытался выслужиться под видом старания.

Но в безжалостном мире, где выживает сильнейший, никто не искал пилота, занимающего тринадцатое место.

Большинство людей, вкладывая те же деньги, хотели бы видеть логотип своей компании на Mercedes, Ferrari или на шлеме чемпиона.

Слова его приёмного отца о том, что всё решается тем, кто быстрее на трассе, не были ложью. Часто усилия Дэниела оказывались бессильными.

«Вот почему я это ненавижу».

Грязное состояние — постоянная борьба, цепляние, гонка, будто ты плывёшь по земле. И этот человек так небрежно видит настоящее лицо за маской, которую он так отчаянно пытался скрыть.